

Моск. ком. - 1990 - 3 экв.

СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТО МОГ

Юрий ЛЮБИМОВ,
художественный
руководитель Театра
на Таганке



ПРИБЛИЖАЯСЯ к зданию Театра драмы и комедии на Таганке, я чувствовала в себе неуверенность. Как встретит Любимов? Он из тех людей, к которым нельзя привыкнуть, реакция которых бывает непредсказуемой. Любимов, кажется мне, не слишком любит журналистов, по крайней мере, наших. А наша пресса очень виновата перед ним. К тому же он полностью выражает себя в спектаклях. Он торопится сделать как можно больше — возраст...

Плотность времени, в котором живет Любимов, я ощущала, ожидая вместе с радиожурналистами у порога знаменитого кабинета, пока освободится мастер. Рано утром он должен был улететь в ФРГ, и в оставшиеся немногие часы ему, вновь ставшему художественным руководителем театра, надо было успеть до отъезда закончить массу дел.

— Главным образом я отношусь с уважением к рождеству и к пасхе. Поздравляю с рождеством Христовым, с Новым годом. Желаю семьям, близким — по Новому Завету — любовь к ближнему своему. О дальних многие заботятся, а вот о ближних каждый из нас заботиться должен. Я встречаю Новый год в кругу своей семьи, как это принято во всем мире.

Юрий Петрович, чем был для вас уходящий год?

— Я работал в театре с людьми, которых начинал учить тридцать лет назад, и вот волею судеб я был здесь три раза: один раз полгода, сейчас месяц целый или даже больше и все, что мог, сделал — то, что казалось нужным мне и что просили артисты. Последней премьерой было, по просьбе артистов «Преступление и наказание» двадцатого числа — как раз в день рождения моей жены. К сожалению, я даже не мог ее повидать, потому что был здесь. А дом у меня, где я живу с семьей, в Иерусалиме. У меня двойное гражданство — израильское и советское, которое мне возвращено, но с какой-то странной формулировкой: «по просьбе...». Я не просил. Этих слов не было в переговорах, и это отлично знают те, кто со мной говорил. Правительство само должно было восстановить меня. И вообще, по-моему, людям, которые были изгнаны несправедливо, правительство нынешнее должно восстановить гражданство не спрашивая. Ну, например, мои близкие знакомые: Ростропович, Александр Исаевич Солженицын и Войнович Володя, Аксенов, многие были лишены Родины, дома своего. Квартиру у меня отобрали, до сих пор ничего не дали — я это не в порядке каких-то просьб...

В СЛОВАХ Любимова звучала не обида, не раненое самолюбие, но какая-то печаль горькая. Молчать, поддакивать, сочувствовать, извиняться — что было сказать ему?..

— Мы не делаем элементарных вещей, которых требует воспитание, вежливость. Нас этого лишили. Теперь, кажется, начали об этом думать. И хочется пожелать доброго людям, которые так активно стараются изменить положение в нашем обществе, как ушедший замечательный человек Сахаров. Хотя сейчас бы почувствовали те, которые его обижали, подписывались под всякими гнусностями в его адрес, каков-то угрызение совести. Что же получается? Тогда ряд людей подписывались под мерзостями, а сейчас некролог ему подписывают... даже не извинившись. Значит, им все равно, какие бумажки подписывать. То они подписывались, что надо выгнать из страны Солженицына и Сахарова, а теперь не хватает духу извиниться перед великим русским писателем Солженицыным.

— Начинается девятый год. Новый год — новые планы...

— Года полтора уже мы старались осуществить проект, связанный с приездом «Габимы» — национального театра Израиля. Театр, которому 70 лет, а государству Израиль — 40, возник здесь, в Москве. Его создавал, репетировал с артистами великий режиссер Вахтангов. И вот то, что они приезжают после Нового года в наш театр, — это потому, что я у них работал, ставил спектакли. Они должны привезти мой спектакль — «Закат» Бабеля, и я рад, если этот проект наконец осуществится.

Записала Елена СВЕТЛОВА.